

Н. Харузин

Этнография. Выпуск III

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Харузин**
Этнография. Выпуск III / Н. Харузин – М.: Книга по Требованию, 2015. –
335 с.

ISBN 978-5-517-88159-5

Лекции, читанные в Императорском Московском университете. Выпуск 3.
Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1903 года.

ISBN 978-5-517-88159-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I. Введеніе.

Область, охватываемая первобытнымъ правомъ, чрезвычайно обширна и разнообразна. Изложить всѣ разнохарактерныя проявленія первобытнаго правовоззрѣнія некультурныхъ расъ и народностей, даже намѣтить одни главные моменты въ исторіи развитія всѣхъ правовыхъ институтровъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи въ краткомъ очеркѣ не представляется возможнымъ. Быть такъ называемыхъ дикарей по сравненіи съ бытомъ культурныхъ народовъ можетъ показаться на первый взглядъ чрезвычайно простымъ и однообразнымъ, столь же несложными ихъ правовыя воззрѣнія. Ближайшее знакомство съ этими послѣдними показываетъ, однако, что простыя, сравнительно съ правомъ культурныхъ народовъ и передовыхъ расъ, они оказываются весьма сложными, взятыя сами по себѣ. Дикари, некультурныя, мало-или полукультурныя расы, какъ бы ихъ ни называли, не представляютъ замкнутаго въ самомъ себѣ однороднаго цѣлаго. Ихъ правовоззрѣнія являются глазамъ изслѣдователей въ безконечномъ разнообразіи, имѣющемъ свое объясненіе въ различіи культурныхъ, расовыхъ и другихъ особенностей, съ трудомъ поддающихся систематизированью. Какія бы препятствія ни представляла, однако, работа по ихъ систематизаціи, не слѣдуетъ предполагать, чтобы она была невозможна. Совокупность юридическаго быта у низшихъ народностей не является хаотическимъ, случайнымъ. Напротивъ того, изучаемый въ послѣдовательномъ порядкѣ, онъ рисуетъ постепенный ростъ правового сознанія, начиная отъ примитивныхъ, грубыхъ проявленій права. На немъ можно, такимъ образомъ, изучить послѣдовательную исторію развитія юридическаго быта, интересную уже оттого, что первобытное право въ своей исторической эволюціи стоитъ въ органической связи съ правомъ цивилизованныхъ народовъ. Правовыя нормы этихъ послѣднихъ не представляютъ чего либо абстрактнаго. Онѣ

являются результатомъ развитія народности, отраженіемъ условій ея жизни и быта. Базисомъ культуры въ каждый данный моментъ историческаго развитія оказывается предшествующая культурная ступень, которая въ свою очередь представляетъ лишь звено въ обширной цѣпи послѣдовательнаго прогрессивнаго роста культуры. Вотъ почему, чтобы понять правовыя воззрѣнія даннаго историческаго момента у той или другой народности, необходимо изучать ихъ въ связи съ ходомъ общей эволюціи права и спуститься до нормъ права *первобытнаго*, въ которомъ институты и нормы, развившіеся въ современныхъ цивилизованныхъ расахъ, находятся въ зародышевомъ, эмбриональномъ состояніи. *Эмбриологія права имѣетъ, такимъ образомъ, цѣлью наметить постепенный ходъ развитія юридическихъ воззрѣній человечества на низшихъ ступеняхъ культуры.*

Составляя часть науки этнографіи, эмбриологія права охватываетъ всю обширную область первобытнаго правовоззрѣнія и изучаетъ законы, согласно которымъ шло развитіе послѣдняго. Она отмѣчаетъ причины, благодаря которымъ происходятъ измѣненія въ общихъ правовыхъ институтахъ и изслѣдуетъ условія, заставляющія у данной народности или племенной группы отклоняться ту или иную юридическую норму и придающія ей специфическій характеръ. Обширность сферы, входящей въ изученіе эмбриологіи права, не позволяетъ здѣсь излагать всю систему первобытнаго правовоззрѣнія. Поэтому, въ дальнѣйшемъ изложеніи цѣлесообразнѣе будетъ остановиться лишь на болѣе выдающихся правовыхъ институтахъ, именно на развитіи собственности и государства. Знакомство съ ними позволитъ сознательно отнестись и къ другимъ юридическимъ институтамъ и разобраться въ исторіи развитія правовыхъ отношеній у некультурныхъ народовъ.

Первое мѣсто будетъ уделено изученію нормъ, регулирующихъ право собственности на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи.

Въ общемъ изложеніи предлагаемаго курса исторія развитія собственности непосредственно слѣдуетъ за исторіей развитія семьи. Этотъ порядокъ обуславливается слѣдующими соображеніями. Во первыхъ, понятія о собственности стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ семейно-общественнымъ строемъ народности: они вытекаютъ изъ него, являются естественнымъ его результатомъ. Во вторыхъ, условія жизни первобытнаго человѣка таковы, что вопросъ объ опредѣленіи права собственности оказывается для него однимъ изъ наиболѣе насущныхъ. Вслѣдствіе этого, право собственности получаетъ и наиболѣе детальную разработку уже на низшихъ ступеняхъ культуры. Развитіе же представленій о немъ, въ свою очередь, имѣетъ весьма важное значеніе для сложенія,

измѣненія и развитія нормъ семейно-общественныхъ отношеній. Такимъ образомъ, если съ одной стороны семейно-общественный строй весьма существеннымъ образомъ влияетъ на представленія племени о правѣ собственности, развитіе этихъ послѣднихъ, съ другой стороны, поддерживающимъ или разрушающимъ образомъ отражается на семейно-общественной организаціи.

Нормы, опредѣляющія и регулирующія понятія о собственности, всегда привлекали, въ виду ихъ важнаго значенія въ жизни, особенное вниманіе изслѣдователей. Юристъ, историкъ, экономистъ изучаютъ ихъ, каждый съ особой точки зрѣнія; изслѣдуетъ ихъ и этнографія въ отдѣлѣ эмбриологіи права, исходя изъ основныхъ принциповъ и положеній, выработанныхъ ею. Лишнее доказывать, что изученіе одного и того же института съ различныхъ угловъ зрѣнія, лицами разныхъ специальностей можетъ только содѣйствовать правильному и всестороннему освѣщенію института въ его цѣломъ, что этимъ оказывается существенная услуга общей научной мысли.

Рамки, въ которыхъ право собственности можетъ быть объектомъ изученія этнографа, естественно опредѣляются самимъ характеромъ и методомъ науки этнографіи.

Открывая законы развитія человѣчества на низшихъ ступеняхъ культуры, этнографія, какъ извѣстно, съ одной стороны черпаетъ матеріалъ для своихъ выводовъ и положеній изъ изученія быта племенъ и народовъ, находящихся на низкихъ ступеняхъ культурной лѣстницы. Такъ какъ цивилизованныя народности нѣкогда пережили въ главныхъ чертахъ тѣ же стадіи развитія, на которыхъ находятся современные некультурныя племена, этнографія, съ другой стороны, изучаетъ слѣды древняго быта въ современномъ строѣ цивилизованныхъ племенъ, изслѣдуетъ факты переживанія, сохраняющіеся у культурныхъ народовъ преимущественно среди низшихъ по развитію слоевъ населенія, отыскиваетъ историческія и другія свидѣтельства, въ которыхъ отразились болѣе первобытныя нормы жизни. Она собираетъ, такимъ образомъ, матеріалъ, позволяющій установить законъ развитія общій, если не для всего человѣчества, то, по крайней мѣрѣ, для значительной части послѣдняго. Исходя изъ положенія, что изъ двухъ однородныхъ явленій болѣе простое, рудиментарное должно предшествовать болѣе сложному и развитому, этнографъ группируетъ собранный имъ матеріалъ, и, изучая условія и причины преемственности явленій, восходитъ до опредѣленія цѣпи общественного развитія. Этнографія стремится отыскать источники права собственности на низшихъ ступеняхъ культуры. Она прослѣживаетъ видоизмѣненіе и эволюцію нормъ, регу-

лирующихъ право собственности, начиная отъ наиболее низкой, доступной изученію ступени развитія человѣчества до предѣловъ, когда законодательная власть появляется на смѣну *обычаю*, когда народность, вооруженная письменностью, выступаетъ на арену всемірной исторіи. Изученіе эмбріональнаго развитія права собственности, опредѣленіе законовъ, нормирующихъ это развитіе на низшихъ ступеняхъ культуры, и составить предметъ дальнѣйшаго изложенія.

Введеніе исторіи развитія собственности въ сферу научнаго изслѣдованія является естественнымъ слѣдствіемъ общаго научнаго оживленія въ этнографіи, вызваннаго въ 60-хъ годахъ XIX-го ст. трудами Бахофена, (Bachofen) Моргана (Morgan) и Макъ Ленана (Mac Lennan). Историкосравнительный методъ, примѣненный къ изученію развитія семьи, рода и брака, далъ блестящіе и неожиданные результаты; онъ въ корнѣ измѣнилъ ходячія до того времени воззрѣнія, открылъ сложную исторію институтовъ, которыя считались существовавшими искони. Мысль, что такъ же плодотворны окажутся изслѣдованія и въ другихъ областяхъ права, была слишкомъ естественна. Вещное, обязательное, уголовное право должны были имѣть такую же длинную, своеобразную исторію развитія, какъ и право семейственное. Сознаніе, что сфера изученія, доступная юристу и историку, должна расширяться, что изученіе права не можетъ начинаться съ письменныхъ памятниковъ, что корни его таятся въ вѣѣисторическомъ бытѣ народности, крѣпло само собой. Если исторической жизни народовъ предшествовалъ болѣе длительный хронологически вѣѣисторическій періодъ жизни, институтамъ права въ томъ видѣ, въ какомъ они являются въ древнѣйшихъ памятникахъ цивилизованныхъ народовъ, долженъ былъ также предшествовать долгій періодъ, въ которой эти нормы складывались и развивались изъ первобытныхъ, рудиментарныхъ основъ. Появилось сознаніе важности изученія этихъ основъ для правильнаго пониманія современнаго права. Мысли извѣстнаго нѣмецкаго историка права Колера (Kohler), одного изъ наиболее горячихъ проповѣдниковъ необходимости изученія права въ его эволюціи для вѣрнаго пониманія законодательства, показались бы ересью нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. «Исторія права, писалъ онъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ своемъ курсѣ сравнительнаго правовѣдѣнія, представляетъ картину безпрестанныхъ приливовъ и отливовъ, непрерывнаго теченія идей, гдѣ одна волна гонитъ другую Но всѣ эти переходныя ступени, погружающіяся въ бездну времени, содѣйствуютъ достиженію великихъ цѣлей. Погибшее продолжаетъ жить въ высшихъ, болѣе совершенныхъ формахъ, смѣнявшихъ его Наши потомки будутъ смотрѣть на наше право, какъ на

несовершенный продукт отжившей культуры, так же, как и мы смотримъ на право минувшихъ временъ». «Кто знакомъ съ исторіей права, замѣчаетъ онъ нѣсколько далѣе, тотъ знаетъ, что право, которое издавна привыкли признавать безусловнымъ, неизмѣннымъ и неизбѣжнымъ, есть ничто иное, какъ преходящее проявленіе культуры даннаго времени, какъ ступень развитія, которой достигло право въ присущей данному періоду культурѣ. Онъ пойметъ, что и наше право есть лишь отрѣзокъ историческаго развитія, поперечный разрѣзъ, проведенный черезъ вѣчно движущуюся волну развитія. То, что мы считали естественнымъ правомъ . . . , которое должно служить идеаломъ для всѣхъ временъ, есть лишь результатъ своеобразной, индивидуальной, преходящей культуры давней эпохи; на другихъ ступеняхъ развитія человѣчество создаетъ другое право. Развитіе никогда не останавливается; если оно остановилось бы хоть на одно мгновеніе, творческая сила человѣчества изсякла бы». Взглядъ Колера въ настоящее время вошелъ почти во всеобщее сознаніе. Таково было значеніе крупнаго переворота, произведеннаго новымъ теченіемъ въ этнографическомъ изученіи народностей, когда накопившійся матеріалъ позволилъ, наконецъ, перейти отъ простаго описанія къ научнымъ выводамъ въ сферѣ семейной, общественной и правовой жизни народностей, такъ же, какъ и въ области культуры внѣшней, въ сферѣ религіи и народнаго творчества.

Въ настоящее время едва ли возможно сомнѣваться, что эмбриологія права является прочной основой для вѣрнаго пониманія права современнаго. Ученые юристы западной Европы не обманываются въ своихъ надеждахъ, направляя свои изысканія въ сложный и во многихъ отношеніяхъ еще темный міръ первобытнаго правовоззрѣнія, сохраняющагося среди дикарей въ видѣ жизненнаго института, а у культурныхъ народовъ въ широкой области обычая, обряда и суевѣрій, въ качествѣ интересныхъ, пережившихъ многія столѣтія культуры, остатковъ древняго, далекаго быта. Если изученіе первобытнаго права съ этнографической точки зрѣнія имѣетъ особую важность для юриста, оно представляетъ не менѣе интереса и для историка культуры, социолога и экономиста. Знаніе основъ, изъ которыхъ медленнымъ путемъ развились нормы современнаго права, знакомство съ основными законами, регулирующими ихъ развитіе на низшихъ ступеняхъ культуры, единственно даетъ возможность правильно судить о различныхъ проявленіяхъ правовоззрѣнія на разнообразныхъ ступеняхъ общекультурнаго или экономическаго развитія.

II. Источники первобытной собственности.

Однимъ изъ наиболее трудныхъ вопросовъ первобытнаго права собственности нужно считать вопросъ объ источникахъ этого права на низшей ступени цивилизаціи. Онъ является одновременно существенно важнымъ для исторіи первобытной собственности вообще и однимъ изъ наиболее спорныхъ и неясныхъ. Лишь новѣйшія изслѣдованія внесли въ него нѣсколько больше свѣта и вывели его съ почвы гадательной на прочную основу, хотя и ограниченныхъ еще, но провѣренныхъ фактами данныхъ.

До настоящаго времени не вполне еще уничтоженъ взглядъ, будто человѣчество на низшей ступени культуры не имѣло никакого понятія о собственности. Мнѣніе, что первобытная группа основывалась на коммунистическихъ началахъ жизни, было естественнымъ слѣдствіемъ предположенія, что на низшей стадіи человѣчество жило въ общинномъ, коммунальномъ бракѣ, въ промискуитетѣ или гетеризмѣ, какъ бы ни называли прежніе изслѣдователи стадію культуры, когда не существовало будто бы ни индивидуальной семьи, ни брака, когда каждый мужчина группы могъ быть мужемъ всѣхъ женщинъ, входящихъ въ послѣднюю. Представленія о первобытномъ коммунизмѣ, которымъ будто бы открывается исторія имущественныхъ отношеній человѣчества, не далеко ушли отъ тѣхъ идиллическихъ картинъ первобытной жизни дикаря, которыми любили тѣшить себя мыслители прошлыхъ вѣковъ, неудовлетворенные современными имъ формами жизни. Они не были и болѣе доказательными, чѣмъ предположенія о существованіи нѣкогда стадіи промискуитета. Новѣйшія изслѣдованія, установившія, что этой послѣдней нѣтъ мѣста въ исторіи человѣчества, подточили и мнѣніе объ имущественномъ коммунизмѣ на низшей стадіи развитія. Изъ гипотезы существованія промискуитета есте-

ственно вытекало, что люди, имѣвшіе общихъ женъ, живущіе постоянно вмѣстѣ, не могли имѣть никакого представленія объ индивидуальной собственности. Въ настоящее время, когда человечество на низшей, доступной изученію стадіи, является глазамъ изслѣдователя раздѣленнымъ на территоріальныя группы, въ предѣлахъ которыхъ существуютъ болѣе или менѣе длительные индивидуальные союзы двухъ лицъ разнаго пола, уже а priori напрашивается выводъ, что понятіе объ индивидуальной собственности должно было существовать у нихъ. Отсутствие этого представленія прежде всего сдѣлало бы невозможными длительность индивидуальнаго союза, власть обладателя женщины надъ личностью послѣдней и господство юридическаго или фактическаго отца надъ малолѣтними дѣтьми. Между тѣмъ, именно эти отношенія, основанныя на физическомъ превосходствѣ мужчины надъ женщиной, взрослого надъ малолѣтними, встрѣчаются уже на низшей ступени развитія, до появленія понятій о кровномъ родствѣ. Если мужчина считаетъ себя вправѣ даже убить свою жену и ея дѣтей, онъ дѣлаетъ это оттого, что считаетъ себя ихъ собственникомъ. Это свое право собственности онъ ограждаетъ физической силой противъ притязаній другихъ. Онъ имѣетъ также право имѣть цѣлый рядъ предметовъ движимаго имущества, составляющихъ несложный багажъ дикаря. На право собственности на эти предметы, заключающіеся преимущественно изъ нѣсколькихъ орудій, украшеній или частей одежды, часто служащихъ тоже украшеніями, и т. п. обратилъ особенное вниманіе Спенсеръ (Spencer), первый возставшій и противъ теоріи коммунальнаго брака. Дикарь считаетъ эти предметы своими, и силой отстаиваетъ свое право отъ другихъ членовъ своей группы.

Во избѣжаніе недоразумѣній при дальнѣйшемъ изложеніи, надо оговориться, что на низшихъ ступеняхъ культуры не можетъ быть рѣчи о строгомъ раздѣленіи между правомъ собственности и правомъ владѣнія. Обладающій въ данный моментъ извѣстнымъ предметомъ дикарь считаетъ себя и его собственникомъ. Раздѣленіе между собственностью и владѣніемъ появляется лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія, при ростѣ и осложненіи экономическихъ условій жизни.

Какъ ни мало количество предметовъ, собственникомъ которыхъ себя считаетъ дикарь, оно рѣшительно не позволяетъ говорить объ исключительномъ господствѣ коммунистическихъ началъ въ первобытной группѣ. Каждый членъ группы на низшихъ, какъ и на высшихъ стадіяхъ развитія, склоненъ дать волю своимъ эгоистическимъ стремленіямъ, именно накопленію возможно большаго богатства

для себя. Это эгоистическое стремление индивида слѣдуетъ считать причиной, почему даже на низшихъ ступеняхъ развитія не найдено до сихъ поръ ни одной человѣческой группы, которая не имѣла хотя бы рудиментарныхъ представленій объ индивидуальной собственности. Количество категорій предметовъ, на которые распространяется право индивидуальной собственности, а также источники этого права видоизмѣняются сообразно съ различными культурными стадіями, проходимыми группой; происходитъ перемѣна и въ способахъ защиты своихъ правъ. Но въ зачаточномъ состояніи право индивидуальной собственности слѣдуетъ признать столь же древнимъ, какъ и культуру человѣчества; оно вытекаетъ изъ эгоизма индивида, борящагося за свое существованіе, эгоизма, безъ котораго индивидъ не могъ бы выжить среди неблагопріятныхъ условій, окружающихъ его. Однимъ словомъ, собственность имѣетъ своимъ источникомъ основную психическую черту дикаря—эгоизмъ; этотъ послѣдній, въ свою очередь, оказывается лишь неизбѣжнымъ слѣдствіемъ борьбы за существованіе, которую каждое отдѣльное лицо ведетъ прежде всего само для себя.

Все, что при данныхъ условіяхъ жизни индивидъ можетъ присвоить въ свое исключительное обладаніе, онъ дѣлаетъ объектомъ своего права собственности, если данный предметъ необходимъ ему или, по крайней мѣрѣ, полезенъ въ его борьбѣ за существованіе; также если онъ способенъ доставить ему почетъ и уваженіе среди его сочленовъ, потому что почетъ гарантируетъ ему, прежде всего, болѣе легкое существованіе, слѣдовательно, облегчаетъ ему борьбу за жизнь.

Но индивидъ на низшей стадіи развитія не ведетъ борьбу за существованіе изолированно; онъ живетъ въ группахъ, объединенныхъ прежде всего общностью экономическихъ интересовъ. Группа, какъ цѣлое, ведетъ также борьбу за свое существованіе противъ другихъ такихъ же группъ. Она поглощаетъ индивида, и этотъ послѣдній сливается съ группой, вслѣдствіе общности интересовъ отдѣльнаго лица и совокупности лицъ, образующихъ цѣлое. Первобытный человѣкъ не мыслитъ внѣ группы; обособленный, онъ былъ бы обреченъ на гибель. Тѣ же условія борьбы за существованіе, которыя заставляютъ людей группироваться въ единое цѣлое, вынуждаютъ индивида подчинять свои выгоды интересамъ этого цѣлага. Эгоизму индивида противопоставляется эгоизмъ группы, который также является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ условій борьбы за существованіе. Эгоизмъ группы оказывается источникомъ коллективной собственности въ той же мѣрѣ, какъ эгоизмъ лица—источникомъ собственности индивидуальной. Въ борьбѣ за свое существованіе группа, какъ и индивидъ, имѣетъ тенденцію сдѣлать

объектомъ своего права собственности все, что можетъ такъ или иначе облегчить ей эту борьбу противъ природы, неблагоприятныхъ условій, ее окружающихъ, и противъ другихъ группъ, отстаивающихъ съ меньшимъ напряженіемъ физическихъ и умственныхъ силъ свое мѣсто на земномъ шарѣ. Вполнѣ естественно, что групповой эгоизмъ подчиняетъ себѣ эгоизмъ индивида, какъ группа поглощаетъ во всѣхъ отношеніяхъ личность. Естественно также, что групповое имущество подчиняетъ себѣ имущество личное, что право собственности группы, какъ дѣлаго, ограничиваетъ индивидуальное право собственности. Ограниченія права индивидуальной собственности эгоистическими интересами группы иногда чрезвычайно велики. Чѣмъ ниже народность стоитъ на культурной лѣстницѣ, тѣмъ они больше. Это вполнѣ понятно: чѣмъ ничтожнѣе культурный запасъ группы, тѣмъ съ большимъ трудомъ ей дается успѣхъ въ борьбѣ за существованіе; тѣмъ сильнѣе долженъ проявляться групповой эгоизмъ и тѣмъ слабѣе можетъ выказывать себя эгоизмъ индивидуальный. Ограниченіе индивидуальнаго эгоизма групповымъ доходить на низшихъ стадіяхъ культуры почти до полного поглощенія перваго. Оно вызываетъ къ жизни нормы, которыя дали возможность нѣкоторымъ изслѣдователямъ говорить о господствѣ полного коммунизма на первичной стадіи развитія человѣчества—положеніе не точное уже вслѣдствіе своей исключительности и крайности.

Вся исторія собственности представляетъ, однако, лишь цѣпь послѣдовательно вырабатываемыхъ нормъ, регулирующихъ оба эгоистическихъ стремленія: индивида и группы. Чѣмъ значительнѣе успѣхи, достигаемые человѣчествомъ въ борьбѣ за существованіе, тѣмъ меньшаго напряженія группа требуетъ отъ отдѣльнаго лица, тѣмъ больше простора индивидуальному эгоизму и шире, наконецъ, кругъ примѣненія права частной собственности на низшихъ стадіяхъ. *Исторія первобытной собственности—это послѣдовательная исторія коллизій, естественно возникающихъ на почвѣ эгоистическихъ стремленій группы и индивида, регулируемыхъ условіями борьбы за существованіе группы и отдѣльнаго лица.*

Прежде, чѣмъ указать на основной принципъ, по которому комбинируются права собственности лица и группы, необходимо рѣшить вопросъ объ основныхъ источникахъ собственности на первобытной стадіи культуры.

Слѣдить за ожесточенными преніями по этому вопросу, несмотря на большой интересъ, представляемый ими, не входитъ въ задачи этнографа, вынужденнаго характеромъ самой науки держаться на почвѣ фактовъ. Этнографъ долженъ прежде всего отыскать источники

собственности на низшей, доступной наблюдению стадіи чело­вѣческаго развитія и выдѣлить изъ нихъ основные отъ производныхъ.

Даже у стоящихъ очень низко на культурной лѣстницѣ чело­вѣческихъ группъ, переживающихъ періодъ незнанія кровныхъ узъ, источниковъ собственности нѣсколько. У низшихъ племенныхъ группъ Австраліи, на­примѣръ, предметъ становится собственностью лица посредствомъ *даренія, мѣны, находки, захвата, труда* и, наконецъ, даже *наслѣдованія* въ его впрочемъ зачаточномъ состояніи, когда оно почти не разграничивается съ дареніемъ.

Дарить, мѣнять, передавать по наслѣдству какую нибудь цѣн­ность можно лишь въ томъ случаѣ, если лицо, дающее подарокъ, вы­мѣнивающее предметъ на другой, или оставляющее что нибудь по наслѣд­ству другому лицу, считаетъ себя и признается окружающими собствен­никомъ даннаго предмета. Слѣдовательно, и получать нѣчто въ собствен­ность однимъ изъ трехъ указанныхъ способовъ возможно лишь при томъ условіи, если существуетъ признаніе права личной собственности. Эти способы приоб­рѣтенія собственности слѣдуетъ считать, поэтому, производными: они появляются, какъ естественное слѣдствіе уже существующихъ понятій о правахъ даннаго лица располагать по своему усмотрѣнію извѣстнымъ имуществомъ, которое онъ приоб­рѣлъ тѣмъ или другимъ путемъ.

Естественно долженъ возникнуть вопросъ, могутъ ли дареніе, имѣна и наслѣдованіе быть признаны за первобытные способы приоб­рѣтенія собственности. Несомнѣнно, конечно, что они появляются позже первоначальнаго понятія объ индивидуальной собственности. Нѣтъ сомнѣнія, однако, и то, что этнографія не знаетъ ни одной народности, какъ бы ни былъ низокъ культурный уровень послѣдней, гдѣ бы эти способы не практиковались. Они отмѣчены у группъ, еще объединен­ныхъ исключительно территоріальнымъ принципомъ и представляющихъ яркіе примѣры стадіи беспорядочнаго сожительства. Племя, пережи­вающихъ эту стадію развитія, въ настоящее время весьма мало. Кромѣ того, вопросы, касающіеся ихъ правовыхъ возрѣній на собственность, еще крайне недостаточно освѣщены изслѣдователями. Исключение пред­ставляютъ австралійцы. Если же у нихъ встрѣчаются какъ дареніе, такъ мѣна и наслѣдованіе, нѣтъ основаній предполагать, чтобы другія народ­ности, прошедшія черезъ ту же стадію дѣленія на территоріальныя группы въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ, или живущія и въ настоящее время въ стадіи близкой къ беспорядочному сожительству, хотя бы они и доразвились до пониманія кровныхъ узъ, не имѣли понятія на стадіи предшествовавшей ихъ современному строю объ этихъ